

Э. КЕКТЕЕВ
ОЧЕРК

Наш путь лежал в глубь степи.
Мы проехали урочище Утту, Три
Тоосты, Долан...

Солнце над Калмыкией. Здесь в
степи прошло мое детство и юность.
Здравствуй, степное море! В радующих
человеческий глаз травах многочисленные
отары овец колхозов и совхозов. И
пристальным взглядом провожают степные
богатства мои спутники — секретарь
обкома комсомола Басанг Педерович
Надбитов, лектор ЦК ВЛКСМ Алексей
Николаевич Кузьмин, никогда не
унывающий наш рулевой — Георгий
Болоцкий.

Ни души вокруг, только глядятся в
зеркало лимана косматые кони-трехлетки,
да пробуют кое-где свои голоса птицы и
мелькают на темном бугре белые пятна
сайгаков.

Порой однообразной ты кажешься,
калмыцкая степь, но велико твое
пространство и неисчислимы твои
богатства, и кто хотя бы раз внимал твоей
стозвонной тишине, кто хотя бы раз ступил
на древнюю твою целину, тот никогда не
забудет тебя, и учащенно, и трепетно
забьется сердце, когда снова увидится с
тобой.

Мы побывали в тех местах, где
некогда были похоронены Савгыр
Сангаджиев, командир отделения и Кевюдя
Далгаев, командир отряда. Они и многие
другие отдали свою жизнь в тридцатые

годы за укрепление Советской
власти в родных местах. С ними в одних
рядах были юные тогда Санджи Каляев и
Хасыр Сян-Бельгин, ныне известные
калмыцкие поэты.

Машина мчится по степи. Вдали
человек на верблюде следует за стадом.
Может быть, он русский, калмык, казах...
Мы знаем одно, что наша степь
многонациональная и особенно сейчас
расцвели, окрепли дружба и трудовое
взаимопонимание различных народов.
Москвич Алексей Николаевич задал вопрос
о верблюде, чем он примечателен и полезен
калмыку?

— Великан пустыни — друг
степняка при всяких условиях,— ответил
ему Басанг Педерович.— В степи
непролазная грязь, или снег выше метра,
трудно пройти машине, лошади, а верблюд
пройдет.

Все это верно: для степи рожден
верблюд. Но я думал о другом, был
погружен в далекое, но близкое для меня
сказание. И я перебирал его по буквам, по
каждому слову. И вспомнил того, кто мне
его поведал. Это был мой земляк —
джангарчи Тетля Лиджиев. О нем и о
других джангарчи на открытии VIII
плenums Союза советских писателей СССР
в городе Элисте 7 сентября 1940 года
Александр Фадеев говорил:

—Так воздадим же, товарищи, славу

тем безымянным товарищам-джангарчи, которые слагали замечательные песни «Джангара», сохранили и довели их до нас! Слава такому замечательному человеку, как Мукебен Басангов, таким джангарчи, как Дава Шавелиев, Тетля Лиджиев.

И этот известный в народе джангарчи Тетля Лиджиев говорил:

—На спинах коней, на горбах верблюдов калмыки переехали из дальнего Алтая

в Приволжье. В те давние годы они везли все, что было свято, на сильных животных, и для этого сокровенного груза нужно было сто белых верблюдов. Спрашивается: почему верблюды должны быть сильными? Потому, что им равны все времена года. Им не страшны ни зной, ни грязь, ни вьюга — они всегда верны хозяину. Если же будет спрошено: почему верблюды должны быть белыми? Ответствую: этот груз — святыня целого народа, и она так чиста, что везти ее могут только белые животные. Любопытный продолжает свой разговор: что же они везли? Ответ последовал: «Сокровенное сказание» и «Океан пословиц», «Джангар» и «Историю Гесера Богдо-Хана».

Популярность народного творчества у нас поразительна. Трудно найти калмыка, который бы не знал сказаний.

В героическом эпосе «Джангар» мой родной калмыцкий народ говорил то, что переживает ныне весь Советский Союз:

Счастья и мира вкусила эта страна,
Где неизвестна зима, где всегда
весна,
Где, не смолкая, ведут хороводы
свои
Жаворонки сладкогласие и
словьи,
Где и дожди подобны сладчайшей
росе,
Где неизвестна смерть, где
бессмертны все,
Где небеса в нетленной сияют красе,
Где неизвестна старость, где
молоды все.
Благоуханная, сильных людей
страна,
Обетованная богатырей страна.

...Темнеет. Мы приближаемся к отаре каракульских овец. Ее пасет старейший чабан Калмыкии Дорджи Каршенов из совхоза «Енотаевский», Юстинского района. У него около восьмисот маток, от них получено и сохранено более тысячи ягнят. Таких же высоких показателей здесь добился старший чабан казах Айтым Утегенов. Мы были у него дома, и он принял нас, как дорогих гостей. Таких мастеров своего дела в районе десятки, среди них и русские, и калмыки, и казахи...

И опять мы в море трав, и ночь одаряет нас своими прелестями; далеко мы отъехали от Харбы, где расположился совхоз, а перед глазами все еще светится милое и мудрое лицо знатного чабана Айтыма Утегенова. Вспомнил я и дом его, дышащий довольством и уютом.

Снова солнце поднимается из-за кургана, тронулась наша машина.

— Куда мы едем? — прерывает мои размышления один из наших спутников.

— Едем в Приозерные...

Оглядываюсь: как чистые полотенца, посланные на зеленой скатерти, разбегаются дороги, тропы, колеи, протоптанные машинами и подводами.

За несколько дней мы узнали многое и близко встречались с десятками чабанов, табунщиков, гуртоправов. Но интересна и самобытна из них была судьба старого Сянцыка.

Это было в начале 1930 года. В помещении сельского Совета собрались все члены правления колхоза. Тут же был Сянцык. Только что избранный председатель артели Сангаджи Манджиев обратился к нему:

— Отец, кто будет принимать колхозную отару?

— Не знаю, — ответил Сянцык. — Вам виднее. Надо будет подобрать человека надежного, знающего свое дело.

Сангаджи пытливо посмотрел на старика и сказал:

—Такого человека мы нашли. Вы будете старшим чабаном. Мы знаем, вы никогда не подведете родной колхоз.

Морщины на лице Сянцыка расположились как-то по-новому. Он так мечтал встретить новую жизнь в сплоченном и дружном коллективе, где один отвечает за всех и все за одного.

Накануне принятия отары старик почти не слал. Крутые повороты в жизни обычно вызывают ряд воспоминаний. Он перебирал их в памяти.

Безотрадная молодость тянулась долго, прошла бесследно. Сянцык жил на земле уже немало лет и всю жизнь батрачил у кулаков. И как ни бился, как ни старался получить хоть немножечко благополучия, ему не удавалось расстаться со своей дырявой кибиткой.

Пришел час радости. Зашумела отара. К старику подошел его маленький сын.

— Отец, чьи это овцы?

— Наши,— ответил Сянцык, — нашего хотона.* И Мустуры, и Очира, и твои, и мои — одним словом колхозные.

Да, Сянцык стал хозяином этой шумной отары, необъятных просторов степей.

Время идет вперед, и свет, новой счастливой советской жизни сияет для старого Сянцыка. Сердце счастьем не насытишь. Достигнутое — не гора, откуда спускаться, а только ступенька, за которой видна заветная цель.

В степи шумно. Многочисленные стада спешат на летовку. Впереди отар выделяются белобородые козлы; в гуртах мычат коровы; в табунах коноводы ловят одичалую лошадь; недалеко шагают верблюды, тревожно оглядываясь на неуклюжих верблюжат.

— С каждым днем растет богатство нашей степи. И поэтому, наверное, хочется жить без конца и работать все лучше. От радости не чувствуешь усталости, забываешь старческий возраст,— говорил Сянцык.

— Золотые твои слова и такие же дела,— отвечали ему слушатели. Сейчас сама земля дышит для нас,— молвил Сянцык.

...Вместе с другими уходил в _____

* Хотон — селение.

Советскую Армию сын старого чабана. И отец тогда напутствовал:

— Служение народу — цель героев, ненависть к врагам народов — их украшение. Этой идеей дышит каждая строка богатырской поэмы калмыцкого народа «Джангар». Она особенно ярко выражена в ее замечательной присяге:

Жизни свои острию копья
передадим,
Страсти свои державе родной
посвятим,
Груды свои обнажим и вынем
сердца
И за народ отдадим свою кровь до
конца.
Верными «Джангару», едиными
будем вовек.
И на земле будем жить, как один
человек.
И да пребудем бойцами
правдивыми мы,
И да пребудем всегда
справедливыми мы...

Произнося эти строки, старый Сянцык вспомнил о боевых подвигах героев гражданской войны, особенно о славном сыне калмыцкого народа генерал-полковнике Оке Ивановиче Городовикове, и поучал молодежь:

Предан он Родине: сила в этом его,
Надо прислушиваться к советам его!
Он забывает в сражениях слово: назад!
И повторяет в сражениях слово: вперед!

Перед нами армейская газета «Во славу Родины». 28 июля 1942 года в передовой статье «Советский богатырь Эрдни Деликов» написано:

«Вчера фронт прочитал в нашей газете волнующий рассказ о бессмертном подвиге отважного защитника Дона сержанта Эрдни Деликова. О нем с гордостью говорит весь фронт. Его имя будет с восхищением повторять вся страна.

Он пришел к нам из калмыцких степей и, как родной брат, стал плечом к плечу рядом с украинцем и донским казаком, узбеком я грузином.

Родина вручила Деликову грозное

оружие, и он, сын степных просторов, не дрогнул перед натиском фашистских бронированных гадин. Меткий выстрел из противотанкового ружья — и пылает первая из надвигающихся немецких бронемашин. Еще несколько пуль — горят, чадят, плавятся еще две бронемшины. Деликов продолжает стрельбу, и грозные языки пламени уже лижут фашистский грузовик.

Фашистские стервятники обрушили на Деликова черный град бомб. Но отважный сержант, даже когда осколки тяжело ранили его, не оставлял своей позиции. Истекая кровью, крикнул он своим товарищам: «Бейте фашистских гадов! Калмыки не отступают!»

Это были последние слова богатыря Эрдни, и мы подхватываем их, как боевой завет славного воина-героя. Калмыки не отступают! Русские не отступают! Украинцы не отступают! Советские воины не отступают! Ни шагу назад! Драться с ненавистным фашистским сбродом, как отважный Эрдни Деликов.

Поэт писал:

Лети мой стих, в его родной улус.
Скажи друзьям и землякам: клянусь,
Вы в армию послали исполина!
Нельзя железный дух его сломать,
Вовек, вовек благословенна мать,
Родившая на свет такого сына!

И закончил он следующими строками:

...Наступят вновь сияющие дни.
Но ясным светом не затмят они
Тот грозный день, твой подвиг
незабвенный.
Ты стал героям древности сродни.
Недаром имя ты носил: Эрдни.
Что значит по-калмыцки — драгоценный.

Советское правительство высоко оценило боевые подвиги Эрдни Деликова, посмертно присвоив ему звание Героя Советского Союза.

Равные ему героические подвиги совершили многие сыны и дочери калмыцкого народа в годы Великой

Отечественной войны. Вспомним некоторых. Одним из первых прорвали прусские оборонительные укрепления немцев подразделения, которыми командовал гвардии генерал-майор Басанг Бадминович Городовиков. Смертью храбрых пали в борьбе с фашистскими захватчиками прославленные партизаны редактор газеты «Улан-Хальмаг» Бадма Адучиев, комсомолка Тамара Хахлынова, юный Володя Косиев и многие другие.

Знаток родных степей Сянцык не только воодушевлен героизмом своих земляков-воинов, но и готов сутками слушать и рассказывать о трудовых подвигах животноводов, о знатных людях Калмыкии. Он друг заслуженного учителя РСФСР Церена Петкиевича Петкиева, с любовью слушает выступления заслуженных артистов Улан Барбаевны Лиджиевой и Нарма Цеденовича Эрендженова, с интересом читает произведения известных калмыцких писателей Лиджи Инджиева и Морхаджи Нармаева.

Сянцык рад творческим успехам калмыцких ученых: кандидатов наук Номинханова, Бузутова, Илишкина, Орлова, Тодаевой, Уланова, доцента Бадмаева, Аксена Сусеева и других.

...В степи горит костер. Красные языки пламени мягко лижут чайник, прозрачно-белый дым легко струится кверху. В чабанской будке течет неторопливая беседа. Жадно ловят ее чабаны. Не часто выпадает такая ночь, чтобы Сянцык разговаривал. И многое из того, что не постигнуто еще в нелегком и сложном чабанском деле, молодежь рассчитывает услышать здесь, из уст своего учителя, умудренного долгими годами труда.

Сянцык — один из тех, кто многие годы прожил в бездорожье степных кочевий, кто с самых малых лет научился «читать» пастбище, умел обходить места, поросшие ядовитыми травами, укрывать летом скот от овода, а зимой сохранять от снежных вьюг. Старику по опыту известно, что суягных маток нельзя пасти на пологих холмах, поить надо только в теплые часы дня, не пускать овец в колючий кустарник,

где они теряют шерсть.

Проводив товарищей по работе, вышел Сянцык. По степи освежал ее красоту ветерок. Все небо наискось прорезал млечный путь. Ковш Большой Медведицы мерцает над силуэтом ергененских холмов. В тишине слышатся вздохи овец, недалеко от стоянки звучно жуют лошади. Все живое дышит ароматной свежестью прохладной ночи.

Молодой чабан Гаря с рвением несет службу. Сянцык, уверенный в своем помощнике, мерно шагал к себе. Гаря затянул песню. Ему, как эхо, ответила девушка из соседней стоянки. Ее звонкий голос понесся по степи, по урочищам, сливаясь с хребтами Ергени, разносясь вдаль, к темнеющим холмам.

К рассвету все реже слышны голоса ночных пастухов, затихает неугомонный лай сторожевых псов. Всех клонит предутренний сон. Сянцык давно покинул постель и сменил своего юного помощника. Старик смотрит на пастушечью звезду — «утреннюю зарю».

Рассветает. Тускнеют, стушевываются и тают последние звезды. Нежно румянится заря. Стада сами начинают подниматься. Из-за хребта показалось солнце. Все шире раздвигалась, светлей и просторней становилась степь.

Ранним утром шумно на чабанском стане. Овцы идут к пастбищам, не поднимая голов от земли, потряхивая курчавыми шубами.

Солнце над Калмыкией. Старик Сянцык смотрит на этот счастливый и будничный день, на свою необъятную Родину, как и весь советский народ, глазами хозяина.

Обновилась степь моей Калмыкии, сюда пришли новые машины: тракторы, комбайны, грузовики, экскаваторы, скреперы; прокладываются новые дороги и оросительные каналы. Степь обрела новый облик.

